

ФЕДОР АБРАМОВ
РАБОТА — САМОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ

Слово в день шестидесятилетия

Уважаемые товарищи, дорогие друзья, земляки, гости, ленинградцы, читатели! Я должен сказать, что я просто растрепан для какого-то осмысленного выступления, растрепан в своих чувствах, потому что та лавина приветствий, та лавина любви и сердечности, телеграмм, писем, прекрасных слов, которые были сказаны здесь, для меня, ей-богу, была неожиданна.

Я благодарю всех, кто принял участие в сегодняшнем вечере. Я глубоко счастлив, что в день своего шестидесятилетия удостоился высокой правительственной награды.

Я хорошо понимаю особенности юбилейного жанра, юбилейного красноречия. Они немислимы без гиперболы, без преувеличения. И все-таки все, что здесь было сказано, взволновало, очень тронуло, и это дает мне новые силы для жизни, для работы.

Не знаю, как вы, а когда я иду на юбилей, я всегда жду от юбиляра, особенно в определенных годах, в определенном возрасте, неких откровений. Вот ты прожил шестьдесят-семьдесят-восемьдесят-девять лет! Каковы итоги? Что ты вынес из жизни? И надо сказать, что я всегда уходил разочарованным, потому что большинство отдавало дань судьбе за то, что им вот выпало прожить большую и долгую жизнь. Это мне казалось банальностью. Но я тоже начну с этой банальности.

Мне очень повезло, громадно повезло, что я дожил до шестидесяти лет. В какой век? В какое время? Где те ребята, с которыми я вступал в жизнь, с которыми играл на деревенской улице? Где двадцатый год — год моего рождения? Он почти весь без исключения лежит на полях войны. А где мои сверстники, студенты, с которыми я уходил в сорок первом году, в конце июня месяца на войну добровольцем? Их был целый батальон, а вернулось? Вернулось двадцать-тридцать человек. И где их могилы? Неизвестно. Многие запаханы тракторами, на многих всколосился кустарник, вырос лес. На многих безымянных, но поистине героических могилах, которым мы обязаны тем, что сидим здесь и живем, на этих могилах воздвигнуты сегодня под Ленинградом дома, в которых живут люди.

Я повторяю, мне выпало действительно огромное счастье, потому что я входил в жизнь вместе со студентами — поистине талантливыми, одаренными, богатыми натурами, намного меня богаче. Все они полегли.

Это, конечно, великое счастье, это и огромная ответственность. И это тот бог, та совесть, которой (да не сочтите это за громкие слова) я выверяю всегда свою жизнь.

Второе мое счастье. Я родился в деревне, в крестьянской, в самой что ни на есть патриархальной семье. Сегодня все, кому не лень, по поводу и без повода, пинают патриархальную старую деревню. Как это можно? Да это же наша мать родная. Все мы с вами, здесь сидящие, и не только мы, все народы мира вышли из деревни. А Россия, как здесь очень хорошо говорил мой друг Солоухин, деревне обязана больше чем кто-либо. Русская деревня — это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык.

Лев Толстой за образец для себя в течение всей жизни ставил патриархального крестьянина. Зablуждение? Возможно. Но ведь патриархальный крестьянин — это тот человек, который жил по законам совести, по самым высшим неписаным законам, к которым на протяжении всей своей истории стремится человечество. Это человек — я имею в виду тип старого крестьянина, — который руководствовался одной-единственной заповедью: жить без работы, не работать — это великий, самый великий грех.

Моей Архангелогородчине, откуда я, — краю лесов и белых ночей — Русь обязана особенно. С Севера пролился на Россию свет учености. В мужицкой котомке Михайло Ломоносов принес свет учености на Москву.

И мой первый, самый первый, самый низкий поклон сегодня — моей родной земле, земле очень скудной на урожаи хлеба, но земле очень богатой на слово, на

художественное слово, которое двигает народы, которое двигает материки, которое управляет землей.

И там, в Верколе, на моем родном Пинежье, сейчас занесенный метелями, февральскими снегами, где-то стоит самый скудный, быть может, по веркольским масштабам, домишко, но зато на самом прекрасном месте — это мой дом или, как говорят, дом писателя. И в этом доме, который занесен напрочь снегами, — моя душа, мое сердце.

Третье мое счастье, третье мое везенье — это моя литературная судьба. Мне повезло. Много, очень много талантливых ребят, людей, которые выходили со мной, и которые выходят сегодня, и которые выйдут еще после меня на трудную тропу литературы, не достигнут того, чего я достиг. Не потому, что я их талантливее. А потому, что мне повезло! Меня били! Крепко били. Но те произведения, за которые меня били, — проходили годы, проходило время — и их причисляли к положительным явлениям советской литературы.

И тут я не могу не сказать о письмах читателей.

Наши журналы, наши газеты не могут похвастаться реальной критикой, той критикой, которая на недостигаемые вершины вознесла в свое время «Современник», той критикой, которая литературой объясняет жизнь, а жизнью выверяет литературу.

Но у нас есть реальная критика. Это письма читателей. В самую трудную, в самую сложную минуту наш читатель всех возрастов, разных профессий подавал мне руку помощи.

И сегодня мне хочется поблагодарить, от всей души поблагодарить своих читателей.

Известно, что человек строит себя сам. Но, боже мой, сколько строило людей меня! Сколько было учителей и учителей — неграмотных, малограмотных, профессоров, ученых, академиков, и своих, русских, и заграничных, в том числе финнов, которые вот сегодня здесь сидят на моем вечере и которым я очень рад. Все они влияли на меня. Все они меня делали... Вот у нас принято наставничество — хорошая вещь. Но я всегда учусь, всю жизнь, у всех, в том числе у молодежи. Вот эти ребята, мои дорогие ребята, которые здесь выступали, они меня обогатили очень за свою жизнь, хотя им двадцать лет.

Но я хотел бы все же в числе своих очень дорогих людей, которые оказали на меня особое влияние, назвать несколько.

Мама. Степанида Павловна, неграмотная крестьянка, которая с трудом умела ставить три печатных буквы. Но крепкая, неглупая, властная и работающая женщина, рано овдовевшая, но которая твердой и уверенной рукой повела нашу семейную ладью. В 1922 году, когда мы остались без отца, старшему было пятнадцать, младшему (я был младший) шел второй год, и у нас была всего лишь коровенка. А за восемь лет, когда мы вступали в колхоз, мы своим трудом, наша ребячья коммуна сотворила чудо: у нас было две лошади, две коровы, был бык, была телушка, был добрый десяток овец — все это мы наделали.

Не могу без чувства глубокой трепетности, глубокого волнения вспомнить тетушку Ирину Павловну — старая дева, которая всю жизнь обшивала за гроши, почти задаром, деревню. Но великая праведница, вносящая в каждый дом свет, доброту, свой мир. Единственная, может быть, святая, которую я в своей жизни встречал на земле. От рук этой тетушки Ирины — она в отличие от матери была большой книголюбившей — я впервые вкусил духовной пищи.

Братья мои. Старший брат Михаил, на пятнадцать лет меня старше. Это был брат-отец. Он был для меня и для всей нашей семьи тем же, чем был Михаил Пряслин для своей семьи.

Брат Василий. Брат-друг, в доме которого я был всегда желанным гостем, он и его жена очень много сделали для того, чтобы я встал на ноги, для того, чтобы я первый в нашей семье и один из самых первых в деревне получил высшее образование.

Мои учителя. Много было учителей, очень много было учителей. Скажу только о двух, которые оказали особенное влияние на мою нравственную жизнь.

Алексей Федорович Калинин. Старый учитель, естественник. По уму, живому, разностороннему, по нравственному началу и чистоте он мог бы занять и украсить любую университетскую кафедру. Но это был народник, в самом высоком смысле этого слова народник. И после окончания семинарии он пошел в глушь, в пинежскую глушь, за четыреста верст от ближайшего города. И посвятил всю свою жизнь воспитанию неграмотного брата...

Я хотел бы назвать еще одного учителя, совершенно другого типа. Николая Павловича Смирнова — двадцатилетнего-двадцатичетырехлетнего парнишку с моих сегодняшних возрастных высот, но в то время уважаемого Николая Павловича Смирнова. Человек, безгранично преданный своему делу, воспитанник Вологодского института, который приехал к нам, стал директором и преподавал литературу. И с каким рвением, с каким прилежанием, с каким пониманием святости того дела, которое он делает. Он погиб на войне.

Не могу всех назвать. Но двух человек, которые сыграли особую роль в моей жизни в годы войны, назову. Доктор Лурье... К стыду своему, не помню ни имени, ни отчества. Она ходила всегда в госпитале с опухшим лицом, отливающим чугуновой синевою. И мне даже трудно сказать о возрасте ее, сколько лет ей было. Но благодаря ей я остался с двумя ногами. У меня было тяжелое ранение, прострелены разрывной пулей ноги, нужно было ампутировать. Она спасла мне ногу. Да она, кроме того, добилась, чтобы мне как тяжело-лобальному вместо пяти клецов, вместо пяти катышков теста выписали в самые лютые дни блокады восемь катышков теста. А восемь клецов — это было очень много.

Второй человек — тоже женщина. Это Минна Захаровна Каган, мать моего товарища, с которым я уходил на войну, ныне известного искусствоведа. В самое лютое время, в январские морозы сорок второго года, когда я лежал в промерзшей аудитории исторического факультета, в ушанке, под матрацем, она с улицы Чайковского пришла ко мне вместе со своей дочкой-школьницей в госпиталь и пришла еще с блокадным подарком — с блокадным сухариком. И этот подарок — один из самых памятных, может быть, самый дорогой для меня подарок в жизни. Она сегодня в преклонных летах, и я от всей души желаю Минне Захаровне самого доброго здоровья и долгих лет.

Я могу назвать многих... Александра Трифоновича Твардовского, Михаила Леонидовича Слонимского, человека великой доброты к начинающим талантам. Но я хочу еще назвать только двух человек. Это мой друг, ленинградский художник Федор Федорович Мельников, первый мой друг, друг моей души. Это он заставил взять в руки перо, заставил писать, ибо мы, крестьянские дети (это всем известно, кто вышел из деревни), отравлены комплексом неполноценности на всю жизнь. Это он заставил меня взяться за писательское перо, это он поверил в мои силы. Это он на протяжении многих и многих лет стоял у моей писательской кочегарки и раздувал в ней огонь.

Я не могу не сказать — простите, пожалуйста, так сказать, за семейственность,— самых добрых слов о моей жене, которая тоже сыграла очень большую роль в моей писательской судьбе. Ну, для вас всех не секрет, я учился в то время, когда, так сказать, нашим евангелием был «Краткий курс». Я его конспектировал, вернее, переписывал раза три в своей жизни. Но с этим евангелием, к сожалению, далеко в литературе не уйдешь. И мне попала жена, у которой был с ранних лет, с юных лет обостренный вкус к вопросам нравственным, духовным. И наш семейный брак — это и брак социологии и нравственности. Я, конечно, был отчаянный социолог... Я не могу не сказать о ней добрых слов, потому что она мой соратник. Она человек, без которого я вообще-то ничего не делаю ни в жизни, ни в литературе. Я не скрываю: я подкаблучник. Но, я думаю, каждый нормальный мужчина — подкаблучник.

Возвращаюсь к тому последнему, с чего я начал. Каковы же итоги? К чему же все-таки я пришел к своему шестидесятилетию? Чему я поклоняюсь? Что я исповедую? Какая моя вера? Что больше я ценю в своей жизни? И от чего получал радости больше всего?

Работа! Работа! Каждая хорошо написанная строчка, каждый хорошо написанный абзац, страница — это самое большое счастье, это самое большое здоровье, это самый

лучший отдых для души, для ума, для сердца... Вы спросите, а любовь? Я и на это отвечу — пусть в духе шестидесятников. Работа — это, вероятно, самая высокая любовь, любовь к своей семье, любовь к своему дому, любовь к Родине, любовь к народу.

Сегодня в повестке дня стоит задача возрождения Нечерноземья, коренных русских земель, с которых началась Великая Русская Держава. Нечерноземье — это сердце России. И сегодня здесь делаются большие дела. Но это только начало. Возрождение Нечерноземья, возрождение России — это задача номер один, это задача государственной важности. В конце концов здесь решается вопрос — быть или не быть. Я сознательно заостряю этот вопрос. Потому что нельзя допустить, чтобы продолжалось дальнейшее отставание русской центральной земли от окраинных республик. Нельзя больше мириться с тем, что мы из года в год ввозим из-за океана хлеб. Россия должна вернуть славу хлебной державы мира, Россия должна завалить мировой рынок своим хлебом. Это задача не деревенская, это задача не одногодная, не однолетняя, это задача не только тех людей, которые сегодня трудятся в деревне. Это задача, как подчеркивает наша партия, поистине всенародная. И все, в том числе и мы с вами, должны со всей своей энергией включиться в эту огромную, в эту поистине ответственную, важную работу. Потому что подъем Нечерноземья, возрождение русской нивы на новой индустриальной, производственной основе — это и дело непосредственных земледельцев, механизаторов, это дело и партийных работников, это дело экономистов, это и дело интеллигенции. Это дело, может быть, в первую очередь интеллигентов, и в первую очередь тех, кто должен будить народ, вести народ, — людей, которые имеют дело со словом. Не забывайте: вначале было слово.

29 февраля 1980

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Работа – самое большое счастье: Слово в день шестидесятилетия / Ф. А. Абрамов // Собрание сочинений. Т. 5. – СПб : Художественная литература, 1993. – С. 20-26